

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В БЕЛАРУСИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

И.И. Янушевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, yanush@bsu.by*

В статье проводится анализ положения Русской православной церкви накануне Великой Отечественной войны в СССР и на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории. Установлено, что положение религиозных организаций в стране Советов было катастрофическим. С самого прихода к власти большевики начали агрессивную атаку на религию и церковь. Правящая партия поставила задачу построения безрелигиозного общества. Был произведен полный отъем собственности. Определено, что в советском государстве свободно безбоязненно гражданин не мог проявлять свои религиозные чувства. Публичное или установленное компетентными, партийными, комсомольскими органами исполнение религиозных обрядов могло повлечь ответственность вплоть до уголовной. Население было крайне недовольно тотальным ограничением права на свободу совести. Немецкое руководство старалось максимально использовать данный факт в своей пропагандистской работе. Оккупационные власти ошибочно предполагали, что духовенство и иерархия Православной церкви пойдет на сотрудничество в нарушение канонов и догматов Церкви.

Ключевые слова: Великая отечественная война; Русская православная церковь; коммунистическая партия; автокефалия.

ПРАВАСЛАЎНАЯ ЦАРКВА Ё БЕЛАРУСІ НАПЯРЭДАДНІ І Ё ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

І. І. Янушэвіч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь,
yanush@bsu.by*

У артыкуле праводзіцца аналіз становішча Рускай Праваслаўнай Царквы напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны ў СССР і на акупаванай нямецка-фашысцкімі захопнікамі тэрыторыі. Устаноўлена, што становішча рэлігійных арганізацый у краіне Саветаў было катастрофічным. З самага прыходу да ўлады бальшавікі пачалі агрэсіўную атаку на рэлігію і царкву. Кіруючая

партыя паставіла задачу пабудовы безрэлігійнага грамадства. Было праведзена поўнае адабранне уласнасці. Вызначана, што ў савецкай дзяржаве свабодна бязбоязна грамадзянін ня мог праяўляць свае рэлігійныя пачуцці. Публічнае, устаноўленае кампетэнтнымі, партыйнымі, камсамольскімі органамі выкананне рэлігійных абрадаў магло пацягнуць адказнасць аж да крымінальнай. Насельніцтва было вельмі незадаволена татальным абмежаваннем права на свабоду сумлення. Нямецкае кіраўніцтва старалася максімальна выкарыстоўваць гэты факт у сваёй прапагандысцкай працы. Акупацыйныя ўлады памылкова меркавалі, што духавенства і іерархія Праваслаўнай Царквы пойдзе на супрацоўніцтва ў парушэнне канонаў і дагматаў Царквы.

Ключавыя словы: Вялікая Айчынная вайна; Руская праваслаўная царква; камуністычная партыя; аўтакефалія.

ORTHODOX CHURCH IN BELARUS BEFORE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

I.I. Yanushevich

Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, yanush@bsu.by

The article analyzes the situation of the Russian Orthodox Church in the USSR before the Great Patriotic War and on the territory occupied by the German fascist invaders. It was established that the position of religious institutions in the country of the Soviets was catastrophic. Since coming to power, the Bolsheviks launched an aggressive attack on religion and the church. The ruling party has set the task of building a non-religious society. The property was fully weaned. It is determined that in the Soviet state, the citizens could not express their religious feelings freely and without fear. The public performance of religious rites discovered by the competent Party or Komsomol bodies could entail liability up to criminal. The population was extremely dissatisfied with the total restriction of the right to freedom of conscience. The German leadership tried to make the most of this fact in their propaganda work. The occupation authorities mistakenly assumed that the clergy and hierarchy of the Orthodox Church would cooperate breaking the canons and dogmas of the Church.

Keywords: World War II; Russian Orthodox Church; Communist Party; autocephaly.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война потребовала немедленной мобилизации как всех финансовых,

материальных ресурсов, так и ресурсов духовных. В своем обращении 3 июля 1941 г. И.В. Сталин произнес не характерные для последних безбожных десятилетий слова – «братья и сестры». Атмосфера в обществе в 1930-е гг. была чрезвычайно напряженной. Сложившаяся внутри и внешнеполитическая ситуация требовала в срочном порядке консолидации общества для обеспечения выживания единственного в мире социалистического государства. Официальная пропагандистская машина активно работала. Значительная часть общества по различным мотивам была нацелена созидать в ожидании обещанного светлого будущего. Были и противники режима, количество которых определялось исходя из политического момента, а уровень государственного развития не позволял сформировать систему для наказания исключительно действительно совершивших или намеревавшихся совершить противоправное действие. Пеницитарная система отнюдь не способствовала переходу заключенных на материалистические рельсы, особенно священнослужителей. Это касалось внутренних убеждений, а не внешней демонстрации своего отношения к религии в местах заключения и после освобождения. Конституция 1936 г. в области обеспечения свободы совести не зафиксировала полный запрет исповедания религии в СССР. Предполагавшийся номенклатурой очередной шаг по полному запрещению любой религиозной деятельности был отвергнут И. В. Сталиным, обозначившим при обсуждении новой редакции следующее: «Далее идет поправка к статье 124-ой проекта Конституции, требующая ее изменения в том направлении, чтобы запретить отправление религиозных обрядов. Я думаю, что эту поправку следует отвергнуть, как не соответствующую духу нашей Конституции» [1, с. 149]. Так же И. В. Сталин предложил вернуть священнослужителям как полноценным гражданам активное и пассивное избирательное право, «сняв» со священнослужителей ярлык лишенцев. Это, безусловно, был продуманный шаг. Необходимо было уменьшать количество ярых противников действующего режима. Конституция давала возможность организации религиозной жизни и участия в исполнении религиозных обрядов широкого круга людей. Высший закон государства фактически разрешал религиозную пропаганду хотя бы и посредством самой минимальной деятельности. В плане предоставления священнослужителям избирательных прав

И.В. Сталин однозначно обозначил: «... не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти» [1, с. 149]. Усиливала проблему высокая религиозность граждан. Перепись населения 1937 г. Вопрос об отношении к религии был внесен лично И. В. Сталиным. Ответ обескуражил и его, и получивших доступ к результатам. Около 57 % или около 90 млн. граждан даже при угрозе всевозможных санкций записались верующими [2, с. 74]. Религиозность была высокой. И если для безграмотных старше 70-ти лет положительный ответ у 94.5 % был в целом оправдан и ожидаем, то 32.5 % у грамотной молодежи от 16 до 19 лет родившихся после 1917 г. и в большинстве своем прошедших через систему советского воспитания означал практически полный провал деятельности партийно-государственных структур на антирелигиозном фронте. Это не могли быть только дети сектантов и церковников.

С другой стороны на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. указал на «политическую слепоту» целого ряда руководителей, что вызвало очередную волну репрессий. В области антирелигиозной деятельности на передний план так же выходят жесткие силовые действия, приведшие к полному прекращению официального функционирования религиозных общин и исполнения любых религиозных действий, не смотря на их гарантию Основным законом [3, л. 394]). Священнослужители были практически ликвидированы или лишены возможности осуществлять свою пастырскую деятельность, а религиозность была загнана в подполье. В восточной части БССР к 1940-м гг. не осталось ни одного функционирующего храма, а антирелигиозная пропаганда массированно навязывала населению мысль о вреде религии и церкви в жизни человека [4, с. 376]. Стоит отметить, что советские Беларусь и Украина к середине 1930-х гг. были лидерами по закрытию храмов. В БССР к 1936 г. функционировало 10.9 % от дореволюционной численности, хотя по СССР насчитывалось 28.8 % , по РСФСР – 35.6 % и только УССР с 9% опережала нашу республику [5, л. 81]. В 1937 г. – первой половине 1938 г. в БССР было арестовано 400 православных священников и монахов, 1 митрополит, 5 епископов и архиепископов [6, л. 56–57]. В целом по БССР к началу Великой Отечественной войны, по приблизительным данным, погибли в лагерях или были расстреляны около 2000 клириков.

Еще одной важной особенностью были западные регионы, ставшие составной частью СССР незадолго до начала Великой Отечественной войны. Воссоединение народов Беларуси и Украины в сентябре 1939 г. в условиях наличия существенных недоработок в организации антирелигиозной пропаганды явилось существенной проблемой для компартии и Союза воинствующих безбожников. В западных регионах имелось бзначительное число функционирующих богослужебных зданий, священнослужителей, верующих, не подверженных массивной безбожной агитацией. Организовать здесь быстрое закрытие храмов было политически нецелесообразным и весьма сложной задачей. В пределах Виленской, Гродненской и Пинской епархий насчитывалось более 800 храмов и пять монастырей [7, с. 97]. Безусловно, местное православное население хоть и испытывало на себе значительное давление Римско-католической церкви и польских властей, но ограничения в большей степени касались политических и экономических сторон. Главной задачей компетентных органов было ликвидировать наиболее явно выступающие против социалистических преобразований антисоветские элементы. Посчитали целесообразным изолировать от общества 53 православных священнослужителя. Из них 10 были позднее освобождены, а из 15 архиереев арестовывались только 2 [8, с. 136].

Фактически все духовенство можно было считать политически неблагонадежным. Местное население не могло быстро привыкнуть, что естественное для них исповедование той или иной религии и выполнение религиозных обрядов является преступлением. Восточные товарищи наличие храма, «попа», церковных служб рассматривали как временную недоработку ответственных антирелигиозников. Неблагоприятный пропагандистский фон несли и безобразия, чинимые теми же красноармейцами-безбожниками. Для многих из них поп и храм были в диковинку, как вредные пережитки прошлого. Поэтому они зачастую просто поджигали храмы и поклонные кресты, надсмехались над клириками и верующими. В тоже время у граждан из «религиозной пустыни» появилась возможность хоть как-то удовлетворить свои религиозные потребности в западных районах. Органы скрупулезно фиксировали подобные случаи. Родственники переехавших туда на работу партийных работников «подвергались опасности» вновь совершить религиозные действия и попасть под воздействие

«религиозного дурмана»: «Жена коммуниста тов. Гаврученко с приездом в Ивановский район стала активно посещать церковь, в результате причастилась сама и причастила своих детей» [9, л. 43].

Предпринимая нападение на СССР, нацисты предполагали эффективность использования религиозного фактора в очернении деятельности большевиков на советских территориях. В системе Главного управления имперской безопасности в структуре Гестапо имелся специальный «церковный отдел». В его задачи входили контроль и наблюдение за деятельностью общественных движений, религиозных организаций всех конфессий, изучение настроений духовенства и активных прихожан, внедрение агентуры в церковные административно-управленческие структуры и вербовка агентов из среды священнослужителей и активных прихожан. Он также обеспечивал продвижение «своих» людей на различные иерархические должности, в церковные и общественные фонды. Гестапо и на оккупированных территориях входили в непосредственный контакт с представителями духовенства и националистическими лидерами. Так же «курировали» данный вопрос Зипо, СД и разведывательное управление СС. [10, с. 22]. Немецким руководством поддерживалось любое стремление к дроблению и противостоянию религиозных организаций на прежних советских территориях. А. Гитлер обозначил в апреле 1942 г. свое видение религиозной политики на оккупированных территориях: «Нашим интересам соответствовало бы такое положение дел, при котором каждая деревня имела бы собственную секту где развивались бы свои собственные представления о Боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличивало бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы» [7 с. 106].

Религиозная жизнь в период нацистской оккупации на территории Беларуси активизировалась. За первый год после захватами гитлеровцами нашей республики в Минской епархии, из бывших там до революции 400 приходов, было вновь открыто 120 [3, с. 211]. Оккупанты не разрешили открыть в Минске семинарии. Вместо них были организованы краткосрочные курсы по окончании которых рукополагалось от 20 до 30 священников, дьяконов и чтецов. Образованные клирики были не нужны.

Священнослужитель должен был уметь исполнять исключительно религиозные обряды. Духовное просвещение, а тем более миссионерская деятельность были недопустимы. Гитлеровцы пытались таким образом завоевать симпатии населения. В тоже время следует отметить, что все религиозные организации действовали в полной зависимости от оккупационных властей и должны были решать навязываемые им задачи.

Экзарх западных областей Украины и Беларуси Николай (Ярушевич) в то время находился в Москве. В марте 1942 г. собор белорусских епископов избрал епископа Пантелеймона митрополитом Беларуси. Было создано шесть епархий [11, с. 274]. Согласно выдвинутым властями требованиям Православная Церковь в Беларуси должна называться «Белорусская Автокефальная Православная Национальная Церковь» (БАПЦ). Проповедь, обучение Закону Божию и церковное делопроизводство должны были вестись на белорусском языке, а богослужения совершаться на церковно-славянском языке. Назначение же епископов, благочинных и священников могло производиться только с ведома немецкой власти.

Важную роль в жизни Церкви собирались играть вернувшиеся на Родину с немецкими войсками националистические деятели. Фактически шла речь о том, поставить Белорусскую церковь под свой контроль. Пантелеймон, вопреки желанию националистов и немецких властей, не провозгласил Белорусскую церковь автокефальной. Митрополит и не мог это сделать по православным канонам. Введение белорусского языка для произношения проповедей считал нецелесообразным в силу того, что языком городского населения в подавляющем большинстве был русский. По настоянию националистов оккупационные власти заключили Пантелеймона в монастырь и передали управление Церковью его помощнику, архиепископу Филофею (Нарко), который получив от Пантелеймона письменное разрешение созвал 30 августа 1942 г. белорусский церковный собор. Необходимо отметить, некоторые священнослужители не смогли вовремя приехать в Минск из-за вмешательства германских властей. В постановления собора было включено заявление об автокефалии Белорусской церкви. Однако, провозглашения автокефалии фактически не произошло. В уставе был записан один заведомо не реализуемый пункт: «Каноническое объявление автокефалии последует после признания ее всеми»

автокефальными православными церквями» [12, с. 219]. 2 сентября 1942 года Собор принял обращение к Константинопольскому патриарху и другим патриархам восточных церквей с просьбой признать Белорусскую православную церковь автокефальной. Между тем автокефалия никогда не упоминалась ни в церковных документах, ни в официальной церковной печати. В мае 1944 г. собор белорусских епископов объявил постановления собора 1942 г. недействительными на том основании, что на этом соборе отсутствовали два старших белорусских епископа, которые не были допущены на собор оккупационными властями. Московская патриархия не признала каноничность БАПЦ. В 1944 г., с возвращением советских войск, провозглашенная автокефалия была ликвидирована. Несмотря на намерения некоторых архиереев хоть таким образом обеспечить религиозные потребности верующих, их политический выбор был антинародным [10, с. 21].

Политика нацистов по отношению к религиозным организациям в Беларуси не имела успеха. Верующие стремились к религиозному возрождению, а не к «германизации» и «гитлеризации» своей Родины. Руководствуясь гражданскими чувствами, священники и верующие не ограничивались молебнами, а с первых дней войны участвовали в помощи фронту и тылу. Многие священники солдатами и офицерами прошли дорогами войны, а некоторые из них участвовали в партизанском движении, хотя, безусловно, были редкие случаи антинародной деятельности и в среде православных клириков.

Таким образом, проведенное исследование показало, что в указанный период режимы действовали по отношению к Православной церкви исключительно с позиции силы с целью использования для своих целей. Продвижение безбожия в СССР к концу 1930-х гг. зашло в тупик. Союз воинствующих безбожников, фактически полностью развалившийся в БССР к середине 1930-х гг., не мог организовать информационно-пропагандистскую работу на минимально достаточном уровне. Партийное и советское руководство определяло религиозность населения по наличию богослужебных помещений и клириков. В представлении многих руководителей отсутствие «попа» и храма снимало с повестки дня и вопрос атеистической пропаганды. Высшее партийное руководство осознавало опасность лишения большого процента населения его естественного права на исповедание той или

иной религии со всеми присущему этому процессу элементами. Руководство гитлеровской Германии предполагало использование религиозных чувств верующих исключительно в своих интересах, считая веру в Бога враждебной нацистской идеологии. На территории Беларуси до момента ликвидации при помощи отдельных националистических деятелей предполагалось создать псевдо православную церковь. БАПЦ не была признана канонической, а ее деятельность справедливо осуждена. Пастырская обязанность по духовному служению людям, оказавшимся в чрезвычайно сложных условиях бесчеловечного оккупационного режима, оказалось переплетена с политическим выбором духовенства.

Библиографические ссылки

1. *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. Изд. 11. М.: Госполитиздат, 1953.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11834 (Отчеты, докладные записки и информации о состоянии партийной и антирелигиозной пропаганды и агитации, изучении истории ВКП(б) в районных парторганизациях и др. 13 мая – 30 декабря 1937 г.)
3. *Жиромская В.Б.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996.
4. *Янушевич И.И.* Православная церковь в Беларуси в межвоенный период (1921–1939). Минск: РИВШ, 2012. С. 371–377.
5. Государственный архив Российской Федерации Ф. 5263. Оп. 1. Д. 32. (Докладные записки о состоянии дел по материалам Комиссии культов ЦИК СССР с 01.01 по 01.09. 1936 г. и направленные в ЦИК СССР и ЦК ВКП(б), о состоянии религиозных организаций в СССР, отношении их к проекту новой Конституции, о работе Комиссии культов ЦИК СССР и практике проведения законодательства о культах с приложением сведений о состоянии религиозных объединений и молитвенных зданий в РСФСР, о приеме ходяков, поступающих жалобах и заявлениях о работе комиссии за 1934 г.).
6. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13219 (Докладные записки НКВД БССР в ЦК ВКП(б) о наличии классово-чуждых элементов и фактах вредительства в системе Наркомпроса и Академии наук БССР, антисоветской деятельности церковников и сектантов в БССР (пересланы из ЦК ВКП(б) в ЦК КП(б)Б 7 июля 1938 г.). 21–25 июня 1938 г.).
7. *Кривонос Ф.* Белорусская Православная Церковь в XX столетии. Минск: Врата, 2008.
8. *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 2010.
9. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 16882 (Докладные записки обкомов и райкомов КП(б)Б о состоянии антирелигиозной пропаганды, выполнении плана государственных поставок зерна колхозами и единоличными хозяйствами,

подготовке к ремонту сельскохозяйственной техники по МТС и др. 23 сентября 1940 г. – 8 мая 1941 г.).

10. *Одинцов М.И.* Власть и религия в годы войны. М.: Российское объединение исследователей религии, 2005.

11. *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М.: 1995.

12. *Мартос А.* Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни. Буэнос-Айрес: 1966. Репринт: Минск: Белорусский экзархат Русской Православной Церкви, 1990.